К ИСТОРИИ ВИЛЕНСКОГО СОДРУЖЕСТВА ПОЭТОВ

Павел Лавринец

Вильнюсский университет
Кафедра русской филологии

Вот надпись на столбе: «Rzecz Polska Pospolita»,
А на другом – как меч в груди – «СССР».

Тамара Соколова, «У серого столба».

Русская литературная жизнь Вильнюса в период между двумя мировыми войнами остается изученной мало; многие ее явления не нашли подобающего освещения в работах исследователей. К ним относится и объединение виленских поэтов, состав, формы деятельности и черты творчества участников которого рассматриваются в статье на материале преимущественно периодики межвоенного двадцатилетия.

Образовалось Виленское содружество поэтов в апреле 1934 г. Вернее, оно было оформлено в качестве подсекции Литературно-артистической секции Виленского русского общества[1]: год спустя газеты сообщали о юбилейном вечере «по особо большой программе, по случаю 5-летия существования 'Содружества поэтов'»[2], причем еще в 1930 г. газета *Время* подборки стихотворений местных поэтов печатала в рубрике «Уголок содружества поэтов». Иначе говоря, группа авторов, участвовавших в деятельности Литературно-артистической секции Виленского русского общества (ВРО), называлась Содружеством поэтов задолго до того, как объединение заявило о своем формальном статусе.

Литературно-артистическая секция ВРО возникла на рубеже 1921–1922 гг., первоначально как Русский литературно-артистический кружок при читальне ВРО; читальня послужила основой библиотеки ВРО, учрежденной в самом начале 1922 г. Уже 4 января 1922 г. был проведен первый вечер, на котором с докладом о современной русской поэзии выступил Д. Д. Бохан. Бежавший с семьей от репрессий из Смоленска в декабре 1920 г. опытный журналист, критик, поэт, переводчик два года возглавлял Литературно-артистическую секцию (ЛАС), проводившую вечера с лекциями, докладами, «литературными судами», выступлениями здешних поэтов.

[1] «'Вечер поэтов' в Вильне», *Наше время*, 1934, № 101 (1119), 3 мая.

[2] «В Лит. – Артист. Секции в Вильне», *Наше время*, 1935, № 66 (1389), 20 марта.

Между большими публичными вечерами проходили литературные беседы в читальне ВРО, на которых также звучали произведения в авторском исполнении и читались рефераты на актуальные литературные темы.

Состав и руководство ЛАС менялись, временами ее деятельность замирала и вновь оживала. В один из периодов бездействия ЛАС инициативу в проведении литературных вечеров проявило Общество друзей русской гимназии во главе с М. Я. Летягиной-Белевской, энергичным членом Правления ВРО (одно время его председательница; позднее председательница Православного благотворительного общества), автором известных виленской публике пьес и любопытных мемуаров *Ставка Верховного Главнокомандующего в Могилеве. 1915–1918 г.г.* (Вильно, 1932). Общество друзей русской гимназии после вечеров, посвященных Ф. И. Тютчеву, А. С. Пушкину, М. Ю. Лермонтову, устроило в марте 1930 г. вечер виленских поэтов, на котором выступили П. М. Каценельсон, Е. С. Козакевич, С. В. Контер, И. Н. Петров, С. И. Полянский, Т. А. Соколова, В. Б. Стрелец[3]. Его отметила и варшавская газета *За Свободу!*[4]. Этот вечер стал точкой отсчета для Содружества поэтов.

Работа ЛАС оживилась после того, как ее весной 1932 г. вновь возглавил Дорофей Бохан, что отмечалось в исследованиях русской литературной жизни Вильно[5]. Литературные вечера стали проводиться регулярно, почти каждую неделю. Весной 1933 г. состоялось несколько «литературных пятниц», но с осени на протяжении шести лет, с небольшими перерывами, в помещении ВРО устраивались «литературные четверги» – несомненно по примеру проводившихся с 1927 г. польских «литературных сред». Этот образец был хорошо знаком местным русским литераторам не только в силу той значительной роли, которую играли польские «среды» в межвоенном Вильно, но и потому, что члены ЛАС принимали в них участие[6], а ЛАС устроила несколько совместных вечеров польских и русских литераторов.

Тематика вечеров ЛАС поражает своим разнообразием. Композитор и дирижер К. М. Галковский (Галкаускас), не чуждый и литературных занятий, устраивал концерты-лекции о русском романсе (апрель 1934 г.) и К. Д. Бальмонте (сентябрь 1935 г.). Приезжавший из Варшавы Евгений Вадимов (собственно Ю. И. Лисовский) выступал на тему «Русский Париж» (август 1933 г.), председатель варшавского Литературного содружества В. В. Бранд читал доклад «Задачи эмиграции и эмигрантская литература» (март 1934 г.). Проводились вечера к юбилейным датам (100-летие Александринского театра, июль 1932 г.; 100-летие *Ревизора*, апрель 1936 г.; 75-летие смерти Н. Г. Помяловского, декабрь 1938 г., и т. п.) и вечера памяти Б. Ю. Поплавского (ноябрь 1935 г. и май 1936 г.), Вас. И. Немировича-Данченко

[3] К., «Вечер семи», *Наша жизнь*, 1930, № 425, 23 марта.

[4] «Оживление русской культурной работы (Вечер поэтов)», *За Свободу!*, 1930, № 38 (3059), 22 марта.

[5] Tadeusz Zienkiewicz, " 'Litieraturno-Artisticzeskaja siekcya' i jej rola w życiu emigracji rosyjskiej w Wilnie w latach 1920–1939", *Studia Rossica* III, Warszawa: Wydawnictwo "Studia Rossica", 1996, 71–72.

[6] Jagoda Hernik-Spalińska, *Wileńskie Środy Literackie (1927–1939)*, Warszawa: Wydawnictwo Instytut Badań Literackich, 1998, 189–190, 239.

(октябрь 1936 г.), А. В. Амфитеатрова (март 1938 г.), виленского журналиста и музыкального деятеля К. П. Маркова (январь 1935 г.), актера, режиссера и театрального критика И. И. Поплавского (дяди парижского поэта; ноябрь 1938 г.). На «четвергах» обсуждались деятельность Н. Н. Евреинова и Н. К. Рериха, жизнь и учение Сократа, театральная жизнь старого Петербурга и значение Атлантиды для цивилизации, чешская поэзия и советский юмор.

Время от времени устраивались вечера поэтов – смотры местных поэтических сил, пользовавшиеся успехом у публики. Таким был 83-й «четверг» в переполненном зале ВРО 8 февраля 1934 г. Его открыла речь Бохана, после чего звучали стихи Каценельсона, Шлосберга, Соколовой в авторском исполнении, артистка З. А. Семенова прочла стихи Т. А. Сасинович и А. Г. Тычинского, Сигизмунд Полянский читал стихи И. Ф. Наркович и свои собственные, «известная и любимая виленской публикою певица» Ирина Наркович спела два романса своей композиции на слова Полянского. Затем после реферата В. А. Добровольского о молодых виленских поэтах Л. Артецкая читала стихи Х. Я. Козловского, Н. С. Костыщевич – В. А. Бессонова, со своими стихотворениями выступили Б. Ю. Корза и З. Е. Червяковская[7].

На 91-м «четверге» 26 апреля 1934 г. Д. Д. Бохан объявил об организации Содружества поэтов как подсекции Литературно-артистической секции, В. В. Богданович приветствовал ее образование речью о назначении поэзии. Председатель Содружества Наркович, впервые явившаяся в роли поэтессы за два месяца до этого, огласила декларацию объединения. Выступили со своими стихами товарищ председателя Х. Я. Козловский и члены Содружества – Н. А. Ермолович, П. М. Каценельсон, Р. В. Никитин, И. Н. Петров, С. И. Полянский, Н. М. Рогожин, Т. А. Сасинович, Т. А. Соколова, А. Г. Тычинский, М. М. Фрумкина-Юдевич, Л. Е. Шлосберг, Е. А. Шевтова, З. Е. Червяковская[8]. 14 ноября 1935 г. состоялся организованный Содружеством вечер поэтов. Его открыл председатель ЛАС Бохан, свои стихи читали Каценельсон, Нальянч, Соколова, Тычинский, Шлосберг, а также варшавский гость – Соргонин; О. Н. Селиванова прочитала стихи Петрова и Фрумкиной-Юдевич, М. Ф. Владимирова – Болеслава Свентицкого и Темиры Сасинович[9].

Не все перечисленные были заметными фигурами виленской литературной жизни, чья продукция представляла бы интерес в том или ином отношении. Достойны внимания среди членов Содружества и участников его вечеров прежде всего люди старшего поколения, популярные среди любителей поэзии и уже известные по публикациям – В. С. Байкин, Н. В. Максимова, Каценельсон, Петров, Полянский, Соколова, Сасинович, Шлосберг. Сборники стихов были изданы Львом Шлосбергом (*В дымке заката. Стихотворения 1924–1926*, Рига, 1926),

[7] «Вечер поэтов», *Наше время*, 1934, № 31 (1049), 8 февраля; «Вечер поэтов в Вильне», *Наше время*, 1934, № 34 (1052), 11 февраля.

[8] «'Вечер поэтов'в Вильне», *Наше время*, 1934, № 101 (1119), 3 мая; ср.: Д. Д. Бохан, «Нищие – или богатыри? (По поводу «вечера поэтов»)», *Наше время*, 1934, № 103 (1121), 5 мая.

[9] «Вечер поэтов», *Искра*, 1935, № 7, 18 ноября, 10; «Вечер 'Содружества поэтов'», *Наше время*, 1935, № 270 (1593), 16 ноября.

печатавшим рассказы, стихи, рецензии и статьи о Бунине и Мережковском, Есенине и Эренбурге в газетах *Утро*, *Виленское утро*, *Наша жизнь*, *Наше время*, и Александром Тычинским (*Женщине и близким*, Вильно, 1933). Плодовитый Тычинский писать стихи начал только в 1932 г., в 50-тилетнем возрасте, и прежде, до выпуска книги, не печатался. «Поэт – лауреат» Палтиель Каценельсон, напротив, писал с 15 лет и дебютировал в печати еще в 1912 г., его стихи помещали газеты *Наше время*, *Время*, *За Свободу!*, на конкурсе русских поэтов Польши он был удостоен второй премии (1929), третьей – на очередном конкурсе поэтов русского зарубежья, проведенном Союзом русских журналистов и писателей в Польше (1930). Его стихи включены в *Сборник русских поэтов в Польше* (Львов, 1930), где виленских поэтов представляли также Екатерина Козакевич, Сергей Контер, Илья Петров, Сигизмунд Полянский, Тамара Соколова, Лев Шлосберг. Соколова, заведующая библиотекой ВРО, с 1922 г. участвовала в литературных вечерах и считалась любимицей публики; ее стихи публиковали виленские газеты, журнал *Родное слово*, львовский женский журнал *Очаг*. В апреле 1935 г. ЛАС устроила вечер ее поэзии. На нем стихи Соколовой читала она сама, их исполняли чтецы-актеры и поэты, звучали песни на ее тексты[10].

В 1931 г. Бохан в первом же номере, – оказавшемся единственным, – литературно-художественного ежемесячника *Утес* поместил стихи Козакевич, Каценельсона, Полянского, Соколовой, Шлосберга и в числе сотрудников объявил, помимо названных, Петрова. Это – единственный виленский поэт, несколько стихотворений которого в 1928–1929 гг. поместил в возобновленном в Каунасе *Балтийском альманахе* Е. Л. Шкляр. Всеволод Байкин, с мая 1930 г. преподаватель русского языка и древнерусской литературы в Университете Стефана Батория, автор пособий по русскому языку, в 1921–1925 гг. входил в варшавское литературное объединение Таверна поэтов[11] и участвовал в коллективном сборнике «тавернистов» *Шестеро. Малый альманах поэзии и прозы* (Варшава, 1923). Стихи Байкина печатали варшавские *За Свободу!*, *Молва*, *Меч*; в виленских газетах он выступал в роли публициста и рецензента. Наталия Максимова печаталась в виленских газетах и за стихотворение «Присядь к огню...» удостоена премии на конкурсе лучших поэтических произведений на тему «Россия – Родина», проведенном Союзом русских журналистов и писателей в Польше (1934).

В Содружество вступили молодые поэты, состоявшие в других объединениях. Так, Хрисанф Козловский был председателем «Кружка авторов» при Союзе русских студентов Университета Стефана Батория, в котором участвовали Червяковская, Никитин, Добровольский, Бессонов, Корза. Зоя Червяковская в качестве председательницы Культурно-просветительской комиссии виленского отдела Русского общества молодежи (РОМ, 1933–1939) устраивала литератур-

[10] Н., «Вечер поэзии Т. А. Соколовой в Лит. – Артист. Секции В. Р. О.», *Наше время*, 1935, № 90 (1413), 17 апреля.

[11] См.: Iwona Obłąkowska-Galanciak, "Из истории русской эмиграции ('Таверна поэтов'. Варшава 1921–1925)", *Studia Rossica* III, Warszawa: Wydawnictwo "Studia Rossica", 1996, 77–81.

ные «вторники», на которых звучали стихи членов Содружества поэтов Сасинович, Соколовой, Тычинского. На этих вечерах читал свои стихи К. М. Антоневич, автор фельетонов и драм, участвовавший в работе и университетского Кружка авторов.

Содружество поэтов осенью 1935 г. стало инициатором Пушкинского комитета в Вильно, подобного организованным «во всех крупнейших центрах русского рассеяния»[12]. Позднее в президиум Пушкинского комитета и его комиссии вошли деятельные участники Содружества Байкин, Червяковская, Антоневич[13]. Активность отличала многих участников Содружества: одни и те же лица выступали не только в роли литераторов, но и в качестве музыкантов, певцов, актеров, художников-оформителей, сочиняя музыку к своим и чужим стихам, исполняя их в виде песен и романсов, аккомпанируя друг другу, играя в спектаклях и сценках на литературных вечерах, так что литературное творчество выглядит частью пассионарной «русской работы» активистов Содружества поэтов и ВРО.

Главной формой деятельности Содружества были вечера поэзии (и пикники[14]) в залах ВРО на улице Мицкевича, с июня 1936 г. – на Доминиканской и с августа 1937 г. вновь на Мицкевича. Литературной учебе служили еженедельные собрания (по понедельникам в 1935 г., в 1937 г. – по средам), на которых стихи читались и подвергались критическим разборам; кроме того, Байкин делал доклады о работе над стихом или о ритме формы и ритме содержания[15], Бохан – о теории стиха и сонете[16]. Публичные вечера были важнейшим средством литературной коммуникации и едва ли не единственной возможностью представить публике свои произведения. Предпринятый в конце 1931 г. опыт литературно-художественного журнала *Утес* после первого номера продолжения не имел. В предисловии к книге *Женщине и близким* Тычинский сетовал на то, что печатать стихотворения негде. Позднее его стихи появлялись в газетах, но спорадические публикации в ежедневных газетах автора явно не удовлетворяли. В 1935–1937 гг. Тычинский «издал» пять машинописных книжек, в 1938 г. с помощью множительного аппарата опубликовал томик избранных стихотворений тиражом в 150 экземпляров.

Газеты стихотворения помещали нечасто, к тому же предпочитая известных авторов. Например, *Наше время* и *Русское слово* публиковали одно-два стихотворения в неделю; как правило, это были стихи зрелых поэтов с устоявшейся высокой репутацией – К. И. Оленин (Сарны), А. А. Кондратьев (Дорогобуж), И. Ф. Кулиш, Л. Э. Сеницкая (Ровно), Е. Вадимов, Г. К. Сергонин (Варшава), публикации которых к тому же поддерживали общепольский статус выходивших в Вильно газет-близнецов (отличались лишь заголовком да тем, что

[12] «В Виленском 'Содружестве поэтов'. Пушкинский Комитет в Вильне», *Наше время*, 1935, № 243 (1566), 16 октября.

[13] «Пушкинский комитет в Вильне», *Наше время*, 1936, № 105 (1734), 7 мая.

[14] В. Коротышевский, «Виленские парадоксы. Впечатления приезжего», *Новая искра*, 1937, № 20 (284), 20 января.

[15] «В 'Содружестве поэтов'», *Русское слово*, 1934, № 297 (887), 19 декабря.

[16] «В содружестве поэтов», *Искра*, 1935, № 1, 7 октября, 10.

Наше время поступала к читателем с приложением – популярной и влиятельной рижской *Сегодня*). Шире и обильнее представлял поэзию Бохан в конкурировавших с газетами братьев Котляревских недолговечных *Искре* (январь – март 1936 г.) и *Новой искре* (апрель 1936 г. – 1937 г.), в иллюстрированном еженедельном журнале *Искра* (октябрь 1935 г. – январь 1936 г.) и в продолжившей издание одноименной газете *Искре* вел рубрику «Уголок поэтов», ранее введенную им в газеты *Наша жизнь* и *Наше время* (в 1931 г., когда он был сотрудником газеты).

Председателем Содружества в 1936 г. стал С. И. Нальянч (Шовгенов), к переезду в Вильно уже имевший опыт пражских «Далиборки» и Скита поэтов и варшавского Литературного содружества. В тематической пестроте вечеров ЛАС он усмотрел возмутившую его бессистемность и обрушился на руководство с критикой:

> Одно собрание посвящено философу Федорову, другое песенкам Вертинского, третье криминальному роману и четвертое – мистерии *Царь Иудейский*, после которого объявляется, что на следующем собрании будут прочитаны доклады о «Ленине русского театра – Мейерхольде».

Такая смесь разнообразных понятий, по его мнению, не расширяет кругозор, не направляет интересующихся искусством и литературой, а увеличивает «невероятный хаос в знаниях современного русского обывателя Польши», ведя к падению интеллектуального уровня русского рассеяния. Положительным примером для него были варшавское Литературное содружество и систематическая планомерная деятельность литературного кружка при Виленской Русской гимназии под руководством Богдановича[17]. В ответном «Письме в редакцию» Бохан и Соколова, руководители Литературно-артистической секции, оправдываясь неоднородностью аудитории по возрасту, интересам, культурному уровню и «недостаточными силами» секции, призвали критикующих «поработать на русской культурной ниве».

К тому времени Нальянч уже был весьма заметным работником этой «нивы». Он устраивал дискуссии о задачах молодого поколения в отделах РОМ в Варшаве и Вильно, выступал с докладами в Варшаве, Вильно, Новогрудке и других городах. Сотрудник газет *Руль*, *Воля России*, *За Свободу!*, *Наше время* (*Русское слово*), Нальянч с А. М. Хирьяковым, В. В. Брандом, Л. Н. Гомолицким входил в жюри конкурса Союза русских писателей и журналистов в Польше на лучшее русское стихотворение (1934), летом 1935 г. оказался председателем вновь образованной виленской редколлегии «Голоса молодежи» – литературно-общественной страницы РОМ (среди прочего, в планах редколлегии был не осуществленный сборник-альманах молодежи), вскоре возглавил Виленское содружество поэтов.

Требование систематизации культурной работы, названное Нальянчем самым больным вопросом «русского бытия в Польше», было лишь одним из пунктов назревшего к началу 1930-х годов конфликта поколений; вехой стало образование РОМ в конце 1933 г. В

[17] С. Нальянч, «Систематизация русской культурной работы (В порядке обсуждения мнений)», *Наше время*, 1934, № 58 (1076), 11 марта.

общественную жизнь вступало «третье поколение», если воспользоваться схемой П. Э. Бутенко, одного из учредителей и многолетних руководителей Русского попечительного об эмигрантах в Польше комитета. «Дети» выросли уже за пределами России, получили образование в независимой Польше и отличались от «второго поколения» с опытом фронтов мировой и гражданской войн, предпочитавшего непосредственные краткосрочные действия рассчитанной на долгие годы работе. Вместе с тем «дети» не принимали идейный багаж, цели и методы деятельности возглавлявших русские объединения «отцов»[18].

Позиция «детей» была выигрышнее, так как «отцы» зависели от молодежи, поскольку исповедуемые «первым поколением» взгляды предполагали преемственность: в доказательство собственной состоятельности руководителям русских организаций требовалось демонстрировать приобщенность молодежи к традициям русской культуре и рост творческого потенциала русского рассеяния. Новое же поколение обвиняло старших в безразличии к его интересам, в том числе и литературным, о чем писал в статье с выразительным заглавием «Молодежь на задворках» Нальянч, опираясь, помимо прочего, на суждения В. Ф. Ходасевича о судьбе Бориса Поплавского[19]. В вызывавших продолжительные дискуссии докладах и статьях Нальянч последовательно выступал с эпатирующей ревизией пропагандируемых руководством русских организаций высоких оценок достижений русской зарубежной литературы, культа отечественной литературной классики, ценности образования и т. п. Во всяком случае, трения между Боханом и Нальянчем обусловили не только личные амбиции; существо их может быть верно понято в контексте общих процессов в среде русского зарубежья. Достаточно указать аналогии двух крайних точек рассеяния: расхождения молодежи и руководства в программе и методах работы, обнаружившиеся в 1932 г. в харбинской «Чураевке»[20], и уход из правления ревельского (таллиннского) Литературного кружка в 1934 г. ветеранов, замещенных молодежью, чему предшествовало возникновение в 1933 г. Цеха поэтов[21].

Следствием стало то, что Бохан и его дочь С. Д. Бохан-Савинкова не принимали участия в деятельности Содружества поэтов. В противовес ему в феврале 1937 г. в качестве подсекции Литературно-артистической секции ВРО был организован Кружок авторов во главе с Боханом. На его вечерах читались произведения Рогожина, Антоневича, Тычинского, Соколовой, в дискуссиях участвовал и Нальянч. Своеобразная ассиметрия, при которой Нальянч и другие члены Содружества поэтов участвовали в собраниях и вечерах ЛАС

[18] Подробнее см.: Wiktor Skrunda, 1) "Rosyjska mniejszościowa' organizacija młodzieżowa w Polsce międzywojennej (ROM). Okoliczności powstania", *Studia Rossica* V, Warszawa: Wydawnictwo "Studia Rossica", 1997, 163–177; 2) "Szkice poleskie Wsiewołoda Chmarina (1932–1933) a 'idea mniejszościowa' rosyjskiej diaspory", *Studia Rossica* VII, Warszawa: Wydawnictwo "Studia Rossica", 1999, 195–214.

[19] С. И. Нальянч, «Молодежь на задворках», *Наше время*, 1935, № 253 (1576), 27 октября.

[20] Бронислав Кодзис, «Русская эмигрантская поэзия в Харбине (1917–1945)», *Literatura Słowian Wschodnich. Tendencje rozwojowe, przewartościowania*, Zielona Góra: Wyższa Szkoła Pedagogiczna im. Tadeusza Kotarbińskiego, 1999, 69.

[21] Сергей Исаков, «Старейшее русское литературное объединение в Эстонии», *Таллинн*, 1996, № 5–6, 183.

и Кружка авторов, а руководителей последних Содружество не привлекало к своей работе, отражала отмеченную выше особенность взаимозависимостей «отцов» и «детей». В Кружке авторов обсуждались возможности выпуска литературных сборников или ежегодных альманахов, остававшихся вплоть до середины катастрофического 1939 года лишь предметом разговоров.

У Содружества поэтов также имелись издательские планы: еще в октябре 1935 г. сообщалось о намерении «в ближайшее время» издать первый сборник стихов Содружества. Тогда же была избрана редколлегия (Т. Соколова, В. Байкин, П. Каценельсон, С. Нальянч) и началась подписка на него[22]. Вероятно, вдохновляющим примером для виленских поэтов были 6-й и 7-й выпуски сборника *Новь* (1934), представившие поэзию (и прозу) главным образом ревельского Цеха поэтов[23], и коллективный сборник белградских поэтов *Литературная среда* (1935). В декабре 1935 г. еженедельник *Искра* информировал о том, что сборник в рукописи почти готов и на его издание уже собрана часть средств. Однако выпустить его удалось лишь спустя два года. Важнейшим стимулом и вместе с тем вызовом, не позволившим отказаться, несмотря на нехватку средств, от идеи сборника, явилась знаменитая антология *Якорь* под редакцией Г. В. Адамовича и М. Л. Кантора, куда из поэзии русских поэтов Польши включены стихи лишь Л. Н. Гомолицкого и С. Л. Войцеховского.

Отклик с красноречивым заглавием «Почему обойдены?» упрекал составителей и оказавшегося причастным к подготовке *Якоря* Гомолицкого в отсутствии «имен, которые здешний русский читатель привык встречать на страницах выходящей в Польше русской печати»[24]. Гомолицкому пришлось пояснять, что составителям изданного в Берлине сборника были предоставлены сведения о всех известных Союзу русских писателей и журналистов в Польше поэтах (названы, например, Байкин и Нальянч) и выпущенных книгах, вырезки из периодических изданий и «адрес объединения поэтов в Вильно»[25].

В обличении «географического снобизма», если воспользоваться заголовком рецензии Бохана на *Якорь* в ежедневной газете *Искра*[26], руководитель ЛАС и Нальянч не расходились. В рецензии еще на первую книгу *Чисел* Нальянч, отмечая невысокую технику стиха, бледные и неудачные образы, констатировал «невеселое положение нашей эмигрантской поэзии», при котором В. Сирин оказывается недостижимым идеалом «для Адамовича-Надсона и Иванова-Сальери»[27]. Шесть лет спустя примеры из *Чисел* служили доказательством тому, что в

[22] «В Виленском 'Содружестве поэтов'. Пушкинский Комитет в Вильне», *Наше время*, 1935, № 243 (1566), 16 октября.

[23] См.: Олег Костанди, «Литературные особенности сборника *Новь*», *Балтийский архив. Русская культура в Прибалтике* II, редактор И. Белобровцева, Таллинн: Авенариус, [1996], 147–157.

[24] Н. Волковыский, «Почему обойдены? (По поводу *Антологии зарубежной поэзии*)», *Наше время*, 1936, № 4 (1633), 5 января = *Русское слово*, 1936, № 4 (1202), 5 января.

[25] Л. Гомолицкий, «Письмо в редакцию», *Наше время*, 1936, № 14 (1643), 19 января = *Русское слово*, 1936, № 14 (1212), 19 января. См. также: «К истории русской зарубежной литературы. Как составлялась антология *Якорь*», публикация и комментарии Глеба Струве, *Новый журнал*, 1972, кн. 107, 233–234, 240–241.

[26] Д. Д. Бохан, «Географический снобизм в поэзии», *Искра*, 1936, № 36, 23 февраля.

[27] С. Нальянч, «Поэты *Чисел*», *За Свободу!*, 1930, № 113 (3094), 28 апреля.

отсутствии читателей у зарубежной русской литературы повинны сами писатели, допустившие «необычайное понижение художественного, этического и технического уровня» книг и журналов[28]. Нальянч неявно полемизировал с докладом Байкина на посвященном *Якорю* вечере ЛАС. Байкин, напротив, отмечал высокий уровень стихов, помещенных в первой большой антологии зарубежной русской поэзии. Объединявшие поэтов-эмигрантов настроения «одиночества, пустоты, ненужности, усталости и бессилия» объяснялись «тяжелой жизнью поэтов в изгнании, оторванностью от родной почвы и отсутствием у них аудитории, в виду полного равнодушия русской эмиграции к стихам»[29].

Выход *Якоря* явно подхлестнул виленских поэтов, побудив прибегнуть, помимо подписки, к другим способам привлечения средств для издания сборника. В очередной «четверг» ЛАС 20 февраля 1936 г. состоялся вечер Содружества поэтов, доход от которого предназначался на издание. С чтением своих стихов выступили З. С. Огонь-Догановская, Байкин, Тычинский, Каценельсон, читавший также стихи Червяковской; стихи Сасинович читала М. Ф. Владимирова, стихи Тычинского и Никитина – актер И. И. Поплавский, стихи Козловского и Свентицкого – П. Г. Котек, Петрова – О. Н. Селиванова. «Особенный успех имела декламация О. М. Ольшевской», читавшей «с большим чувством и подъемом» стихи Соколовой[30].

«Олимпийское пренебрежение» составителей *Якоря* к «талантливым поэтам, находящимся вне орбиты высокого редакторского внимания»[31], повлекло за собой выпуск *Антологии русской поэзии в Польше* (Варшава, 1937), в которой были представлены стихотворения виленских поэтов Байкина, Нальянча, Каценельсона, Соколовой и умершего в 1925 г. В. Н. Селиванова. Содействовал «присылкою материалов и советами» изданию, как в нем обозначено, в частности, Бохан. Составитель антологии Гомолицкий, стремясь «дать возможно полную картину поэтической жизни в Польше за последние 20 лет», ко всем авторам, «более-менее часто появляющимся в печати и потому в Польше известным», обратился с письменным приглашением лично; сверх того, в Вильно, «где существуют литературные объединения», приглашение к участию было направлено в объединения[32]. История подготовки антологии в изложении Гомолицкого проливает свет и на движение виленского проекта, едва не соединившегося с варшавским в совместном издании. Средств, оставшихся в распоряжении Союза русских писателей и журналистов от пушкинского юбилея, было не достаточно.

Тут кстати пришло предложение виленского «Содружества поэтов», у которого был

[28] С. И. Нальянч, «Дайте хорошую книгу», *Наше время*, 1936, № 44 (1673), 23 февраля = *Русское слово*, 1936, № 44 (1242), 23 февраля.

[29] «Доклад В. С. Байкина», *Наше время*, 1936, № 36 (1665), 14 февраля = *Русское слово*, 1936, № 36 (1234), 14 февраля. Ср. отчет о том же «четверге» ЛАС: «Русская зарубежная поэзия», *Искра*, 1936, № 28, 15 февраля.

[30] «Вечер виленского 'Содружества поэтов'», *Наше время*, 1936, № 43 (1672), 22 февраля = *Русское слово*, 1936, № 43 (1241), 22 февраля.

[31] Н. Волковыский, «Русские зарубежные поэты», *Наше время*, 1936, № 8 (1637), 12 января = *Русское слово*, 1936, № 8 (1206), 12 февраля.

[32] Л. Гомолицкий, «Антология русской поэзии в Польше», *Меч*, 1937, № 16 (152), 25 апреля.

фонд на выпуск своего альманаха. Содружество предлагало войти в издание, выговорив себе целый отдел в антологии. Но и эта надежда обманула – Содружество раздумало и решило выпустить собственный сборник.[33]

Со слов Нальянча В. М. Коротышевский в январе 1937 г. писал, что Содружество поэтов «уже приготовило и проредактировало материал для своего первого сборника стихов»[34]. В сентябре вышла варшавская антология; сборник Виленского содружества поэтов появился в конце года, и еще 27 января и 24 февраля 1938 г. *Наше время* и *Русское слово* печатали объявления о нем как о книжной новинке.

Единственный сборник Виленского содружества поэтов в силу исторических обстоятельств оказался итоговым. В него вошло 32 стихотворения восьми поэтов – Байкина, Каценельсона, Козловского, Нальянча, Сасинович, Соколовой, Тычинского, Червяковской. Стихи в сборник помещались с единогласного одобрения всеми членами редколлегии[35], а его репрезентативный характер определил включение наиболее показательных и, вероятно, лучших произведений прежних лет. Например, «Столичный пустырь» Нальянча публиковался газетой *За Свободу!* в марте 1930 г., «Одуванчик» в апреле 1934 г. печатала *Наша жизнь*, год спустя – виленский двухнедельный журнал *Родное слово* в пасхальном номере, стихотворение Каценельсона «S. O. S.» звучало на вечере виленских поэтов 16 марта 1930 г.

Большинство стихотворений относится, насколько можно судить, к 1935–1936 гг. Так, «Тройка» Соколовой, напечатанная в *Родном слове* в январе 1935 г., исполнялась на ее авторском вечере 11 апреля 1935 г.; стихотворение «Сорок писем», вошедшее в сборник с посвящением «(Б. В. А.)», в *Новой искре* опубликовано 26 апреля 1936 г. с подзаголовком «Памяти Б. В. Адамовича» в связи с кончиной в Сараево знаменитого директора Сводного кадетского корпуса Добровольческой армии, с 1920 г. продолжившего руководить им в Королевстве СХС, бывшего, между прочим, до войны начальником Виленского юнкерского училища. «Странники» Каценельсона появились в «Уголке поэтов» еженедельника *Искра* в ноябре 1935 г. Стихотворение Козловского «В Почаеве» под заглавием «В Почаевских пещерах» печаталось в страничке РОМ «Голос молодежи» в газете *Наше время* (*Русское слово*) 9 февраля 1936 г., стихотворение Червяковской «Квадратура круга» – в *Нашем времени* (*Русское слово*) 9 августа того же года. Стихотворение Тычинского «Пауки» исполнялось им на вечере в ноябре 1935 г. и опубликовано в журнале *Искра* (1935, № 8, 25 ноября; автограф вклеен в экземпляр машинописного сборника 1935 г. *Закаты*, хранящийся в Библиотеке Академии наук Литвы), его «Опал» печатался в том же еженедельнике (1935, № 12, 30 декабря) и воспроизводился в машинописном сборнике *Любовь и смерть* (1937). Сборник включал также стихотворение «О горбуне» с посвящением В. И. Самойло – журналисту и критику, автору

[33] Н. [Л. Н. Гомолицкий], «Антология русской поэзии», *Меч*, 1937, № 34 (170), 5 сентября.

[34] В. Коротышевский, «Виленские парадоксы. Впечатления приезжего».

[35] «В 'Содружестве поэтов'», *Искра*, 1935, № 12, 30 декабря, 10.

статьи о Блоке (1910), обратившей внимание поэта и поставленной им в один ряд с работами Брюсова, Вяч. Иванова, Философова, редактору-издателю, затем издателю недолговечной газеты *Виленская речь* (1922–1923) и участнику дискуссий на вечерах ЛАС; в сборнике Содружества стихотворение напечатано без посвящения.

Определенностью состава Содружество поэтов не отличалось; организационной аморфности соответствует видимое отсутствие общих творческих программных установок. Члены объединения не относили себя к какому-либо литературному направлению или школе. Однако при различии творческих манер общность образуют тематические предпочтения и ориентация на традиционную поэтическую технику, обусловленная идеей верности подлинным ценностям русской культуры. Она предопределяла понимание поиска новых форм как измены, литературного новаторства – как явления, соприродного с деструктивными большевистскими социальными экспериментами.

Поэтому можно согласиться с суммарной характеристикой виленских поэтов в реферате Бохана, зачитанном Белевской на вечере в марте 1930 г. и изложенном в газетах *За Свободу!* и *Наша жизнь*. По форме творчество их определялось как «колебание между классическими стихами пушкинской школы и новаторством Блока». В разнообразных мотивах одна тема выделяется:

> Видное место занимает Россия и ее страдания, но «политических» стихотворений человеконенавистнического содержания нет совершенно. Здесь выразилась и высокая культура поэтов и мягкость гуманной русской души.[36]

В заметке *Нашей жизни* «не вполне нормальной жизнью русских, оторванных от истоков своей родной культуры», объясняется то, что в стихах «наших поэтов» мало «искрящейся радости», больше «тоски о прошлом»; пессимистическая тональность творчества виленских поэтов подчеркнута:

> Веселых мотивов в их поэзии немного: чаще слышится плач о разбитых крыльях.[37]

В рефрене стихотворения «Ностальгия» Нальянча «О родине прекрасная тоска»[38] позволительно видеть содержательную доминанту творчества участников Содружества поэтов, так как ядро любовной и пейзажной лирики, лирических раздумий о быстротечности бытия, противоречиях человеческой натуры и бессмыслице жизни образует характерное сочетание изгнаннических, национально-патриотических и религиозных мотивов. Так, в стихотворении «Березки» Соколовой обращение к «царицам из цариц» формирует два тесно переплетенных ассоциативно-образных ряда. Один связан с православием (березки – под «открытым небом храм», они сравниваются с «монашками богомольными» и молятся, точно «в праздники престольные», под

---

[36] «Оживление русской культурной работы (Вечер поэтов)», *За Свободу!*, 1930, № 38 (3059), 22 марта.

[37] К., «Вечер семи», *Наша жизнь*, 1930, № 425, 23 марта.

[38] *Сборник Виленского содружества поэтов*, Вильно: Тип. Е. А. Котляревского, 1937, 21. Далее ссылки на это издание даются в тексте в скобках с обозначением *Сборник* и указанием страницы. Большинство обсуждаемых текстов Байкина, Нальянча, Соколовой, Полянского доступны в сетевой версии *Балтийского архива*, см. http://www.russianresources.lt/archive.

ними «Столько песен, столько ладана»), другой актуализирует напоминание о «злобном вихре» и формула «Нам, изгоям обездоленным, / Ваша сень – как благодать» (*Утес*, 1931, № 1, 1). Мотив изгнанничества присутствует в обращении к возлюбленному, с которым героиня забывала «[...] список свой бед, / На чужбине – скитаний года» (*Сборник*, 27). Примером патриотической лирики с пафосом национальной гордости («Лучше русской тройки в мире не найдешь!») служит стихотворение «Тройка» (*Сборник*, 25), включенное и в *Антологию русской поэзии в Польше*.

В зарубежной русской литературе новое значение обрели традиционные рождественские и пасхальные стихи (и рассказы), демонстрирующие приверженность русским традициям, выражающие ностальгическую тоску либо рисующие идиллические картины былого благолепия, контрастные тяжкому настоящему. Пример – «Великий пост» Соколовой («Великий пост напоминает детство, / Когда не знали мы великих бурь и гроз»; *Виленское утро*, 1922, № 164, 25 марта). Ее стихотворение «Проходят праздники. Предпраздничная встряска...», ранее напечатанное *Родным словом* в декабре 1935 г. под названием «К Рождеству», – из ряда таких календарных текстов. Здесь радостное волнение сына заставляет мать и вспомнить опасности бегства («[...] степь в буранах и заносах, / Ночные выстрелы и злобный волчий вой...»), и пожелать себе: «Ах, если б русские приснились мне метели / Подарком к празднику в Рождественскую ночь» (*Сборник*, 26).

В стихотворении «Одуванчик» Нальянча (*Сборник*, 20) приход весны заставляет почувствовать себя на чужбине («[...] с родным апрелем сходен / Апрель в чужой стране»), повсеместное же цветение одуванчика («[...] дар Господень / Смеющейся весне») явственно напоминает о родине, говоря,

> Что так же в этот день сверкает позолота
> Ликующей травы
> У киевских церквей, у невского болота,
> На улицах Москвы.

Особенно любопытна ностальгическая нота у Козловского, уроженца Гродно, по окончании университета в 1935 г. вернувшегося в родной город:

> Полюбил я Неман синий,
> Город, церковь на Коложе,
> Где холмы, луга, равнины
> Так на русские похожи... (*Сборник*, 16)

В другом стихотворении выражено согласие с судьбой скитальца, смиренная готовность «в таком-то году» уйти «в неизвестные страны» и вспоминать наднеманские пейзажи (*Сборник*, 17). «В Почаеве» и другие стихи Козловского в газете *Наше время* (*Русское слово*) 1936 г. посвящены Почаевской лавре с чудотворным источником и ее окрестностям на Волыни. Оплот православия, символизирующий иноческое смирение, стойкость в вере и историческую преемственность, позволял в межвоенной Польше проводить параллели между Батыевым нашествием и нынешними невзгодами Руси; стихи и очерки о монастыре писал также Вадимов.

В стихах виленских поэтов национальный пейзаж связывается и с отечественной литературой. В «России» Каценельсона любовь с раннего детства к просторам «диких полей», ручьям, крикам журавлей, закатным зорям населяет «лес и дали»

тургеневскими Калинычем и Хорем, Россия предстает Бежиным лугом. Оказавшись «в чужой гавани», «на чужбине», поэт в минуты слабости ищет забвения «В судьбе Руслана и Людмилы, / В Петровом царственном огне», воскрешающими «знакомый скорбный лик» родины (*Сборник*, 9–10). В стихотворении «Есенину» Байкина поэт предстает порождением русской природы – «полей золотеющей ржи», «березок в сережках кудрявых» (*Сборник*, 5).

О «богатом, но горьком наследстве» русской поэзии стихотворение «Тени» Каценельсона. Родные «страдальческие тени» – это Пушкин, Лермонтов, Гумилев, Блок, Есенин (*За Свободу!*, 1930, № 66, 10 марта). Обращение к ним в стихах виленских поэтов отражает культ отечественной классики, распространенный и на поэтов, которые вошли в литературу до 1917 г. и воспринимались носителями прерванной на родине традиции. Примером могут быть стихотворение Каценельсона «Смерть Лермонтова», напечатанное газетой *Время* в марте 1930 г., и его же «Игорю Северянину» к 25-летию дебюта поэта в печати, опубликованное той же газетой месяцем раньше.

Безысходное одиночество в «S. O. S.» Каценельсона – одиночество изгнанника на чужбине («Средь чужих я – словно в океане», «во вражьем [...] стане»; *Сборник*, 14). Его специфическая эмигрантская окраска задается развернутым в первой части стихотворения сюжетом кораблекрушения. Сюжет включает стихи виленского поэта в тот пласт русской зарубежной поэзии, в котором тема эмиграции и изгнания неотделима от мотивов морских скитаний, тонущих кораблей, подводных чудовищ, чужого берега и т. п.; ср. в «Странниках» того же автора «Тихо сходим. Колышется трап» (*Сборник*, 11) или «Нам в бухту вход закрыли корабли» в стихах Полянского (*Наше время*, 1932, № 133, 9 июня).

В стихах Тычинского жизнь предстает бесцельным и бессмысленным кружением («Карусели»), мир – огромным черным пауком, ткущим «сети паучьи» в мозгу («Пауки»), смерть – желанной сказочной царевной («Горбун»). В мрачных аллегориях, встроенных в изгнаннические сюжетно-тематические ряды, распознается реакция на неблагоприятную ситуацию чужбины, ненадежность и бесперспективность эмигрантского житья.

Изгнанничество и ностальгия отдельными мотивами вплетаются в стихотворения на различные темы, создавая такой контекст традиционным темам одиночества и разлуки, иллюзорности бытия, неприятия действительности, крушения надежд, в котором образы перенесенных потрясений, разочарованности и тщеты стремлений обретают достоверность переживаний и конкретность лирической исповеди – исповеди лишенного родины изгнанника. Иной доминирующей темы и не могло быть в беспрецедентной исторической ситуации – и не только у виленских поэтов.

С началом Первой мировой войны деятельность русских организаций пресеклась, а с установлением советского режима прежние формы литературной жизни стали невозможны, со страниц периодических изданий исчезли имена ее участников. Единственное исключение – П. Каценельсон. В вильнюсской газете *Новая жизнь*, выходившей с июля 1940 г.

(с февраля 1941 г. *Красное знамя*), публиковались его стихотворения «Красным бойцам» (1940, № 113, 7–9 ноября), «Стихи о Толстом» (1940, № 122, 20 ноября), «Трудовой марш» (1940, № 125, 23 ноября). Имена других членов Содружества поэтов на страницах газеты не появлялись: некоторые активисты русских организаций в начале войны были интернированы польскими властями, затем репрессированы советскими органами, другие бесследно исчезли или погибли в 1939 г. либо позднее. Кроме того, в вытеснении местной литературной продукции перепечатками из московских, ленинградских, красноармейских газет сказались присущие советскому режиму единообразие и централизованность. Наконец, утверждение нового строя и его идеологии сопровождались радикальной сменой этико-эстетической парадигмы, в которой прежним темам не было места.

IŠ VILNIAUS POETŲ SAMBŪRIO ISTORIJOS

Pavel Lavrinec

Santrauka

Straipsnyje nagrinėjama tarpukario Vilniaus rusų poetų sambūrio veikla, jo sudėtis ir narių kūrybos bruožai. Poetų sambūris susiformavo dar 1930 m., o 1934 m. pavasarį buvo įteisintas kaip Vilniaus rusų draugijos Literatūrinės-meninės sekcijos padalinys. Svarbiausią sambūrio veiklą sudarė susirinkimai, kurių metu buvo aptariamos eilės ir skaitomos poetinės technikos paskaitos, bei vieši poezijos vakarai. Sambūryje dalyvavo patyrę literatai, debiutavę spaudoje dar prieš karą (D. Bochanas, V. Baikinas, P. Kacenelsonas), brandaus amžiaus diletantai, sugebėję išleisti eilėraščių rinkinius Rygoje (L. Šlosbergas; 1926) ir Vilniuje (A. Tyčinkis; 1933), jauni poetai (Ch. Kozlovskis, Z. Červiakovskaja). Jų eilėraščius skelbė Vilniaus ir Varšuvos dienraščiai, Vilniaus, Kauno ir Lvovo žurnalai, jų kūryba įtraukta į Lenkijos rusų poetų rinkinį (Lvovas, 1930) ir Lenkijos rusų poezijos antologiją (Varšuva, 1937). Poetų sambūris tapo savarankiškesnis, 1936 m. vadovavimą perėmus jaunam energingam S. Naljančui. Kaip atsvara jai prie Literatūrinės-meninės sekcijos 1937 m. susibūrė Autorių ratelis, vadovaujamas vertėjo, kritiko, publicisto D. Bochano. Įtempti santykiai tarp literatų organizacijų ir jų vadovų traktuotini kaip kartų konflikto rezultatas, juo labiau kad panašūs procesai ketvirtojo dešimtmečio pradžioje ar viduryje vyko ir kituose rusų išeivijos centruose. Sambūris neturėjo bendrų programinių nuostatų, tačiau Vilniaus poetų kūrybą vienija pagrindinė išeivijos ir gyvenimo svetur tema. Nuo 1935 m. rengtas Poetų sambūrio eilėraščių rinkinys išėjo tik 1937 m. ir liko reikšmingas rusų literatūrinio gyvenimo Vilniuje dokumentas.

Получено: 2002, октябрь
Принято: 2002, декабрь

Адрес автора:
Вильнюсский университет
Кафедра русской филологии
ул. Университето 5
LT-2734 Вильнюс
E-mail: plavrinec@russianresources.lt